Ив. Марковъ.

Спиритуалистическое ученіе

Т. Липпса

о Я и СОЗНАНІИ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1914.

Сергію Николаевичу
Буланакову

Ив. Марковъ.

отъ глубоко уважающаго
автора
1914. Окт. 27.

Спиритуалистическое ученіе

Т. Липпса

о Я и СОЗНАНІИ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

Ъ

„Пр. 38"

Пров. 1939

Пр.

BF
311

Оттискъ изъ Богословскаго Вѣстника за 1914 годъ.

20/628

Спиритуалистическое ученіе Т. Липпса о Я и сознаніи.

Проблема сознающаго Я, намѣченная еще Августиномъ поставленная Декартомъ, обсуждавшаяся всѣми значительными мыслителями послѣдующаго времени, современной философіей разрабатывается особенно интенсивно. И это не удивительно. Важность этой проблемы трудно преувеличить, въ ея рѣшеніи существенно заинтересованы и гносеологія, и психологія, и онтологія и философія религіи. Къ этому теоретическому интересу присоединяется и практическая необходимость; слишкомъ многое въ жизнеощущеніи зависитъ отъ того или иного взгляда на наше Я.

Въ своей современной постановкѣ проблема сознающаго Я содержитъ три основныхъ вида вопросовъ. Во-первыхъ, есть ли наше Я лишь связка или совокупность (bundle or collection) различныхъ перцепцій, какъ утверждалъ уже Юмъ, есть ли оно лишь „практическое единство ощущеній", лишенное всякаго ~~практическаго~~ мнимаго значенія, какъ думаетъ Махъ и училъ Авенаріусъ, или же, наоборотъ, оно есть реальный субъектъ (einheitstiftende Bestimmtheit) переживаній, какъ находитъ Ремке, имманентная душевная субстанція, какъ говоритъ Лопатинъ, или же, наконецъ, оно есть нѣчто среднее между внѣшнимъ соединеніемъ элементовъ и сущностію—болѣе или менѣе внутренняя связь переживаній, какъ признаютъ многіе современные изслѣдователи. Во-вторыхъ, что такое самое сознаніе, есть ли оно лишь простая наличность, какъ утверждаетъ эмпиріокритицизмъ, есть ли оно формальное единство опыта, какъ полагаютъ кантіанцы, или же оно есть живой актъ переживающаго субъекта, какъ говорятъ теперь нѣкоторые мыслители. И что такое безсо-

знательное и подсознательное Я, каковъ дѣйствительный объемъ и каковы виды сознанія. Въ-третьихъ, существуетъ ли *субъектъ сознанія* и если да, то есть ли онъ реальность и, въ частности, субъектъ души (если послѣдній слѣдуетъ признать) и не является ли противорѣчіемъ самосознаніе сознающаго, какъ такового. Вѣдь Авенаріусъ защищалъ ту мысль, что данность не есть eo ipso данность для кого-либо; Риккертъ находитъ, что percipiens, какъ таковой, есть, въ сущности, лишь методологически необходимое предѣльное понятіе: Мюнстербергъ требуетъ различать актуальное Я отъ гносеологическаго; Шуппе, признававшій реальный сознающій субъектъ, называлъ самосознаніе загадкой, міровой загадкой, хотя и первѣйшей истиной; Ремке, учащій о субъектѣ души и наличности самосознанія, усиленно подчеркиваетъ, что въ самосознаніи субъектъ находитъ себя не какъ субъекта, но какъ объектъ.

Среди разнообразныхъ современныхъ ученій о сознающемъ Я, косвенно охарактеризованныхъ, отчасти, приведенными вопросами и примѣрами, есть *только одно*, утверждающее наличность имманентнаго носителя переживаній и въ то же время рѣшительно признающее его активно сознающимъ объекты и въ собственномъ смыслѣ переживающимъ себя какъ именно *переживающаго*. Оно представляетъ поэтому особый интересъ. Оно принадлежитъ нѣмецкому психологу и философу Теодору Липпсу. Свои взгляды Липпсъ неоднократно измѣнялъ (поэтому, кстати сказать, русскій переводъ Психологіи Липпса, сдѣланный съ перваго изданія подлинника, является совершенно устарѣлымъ), но эти измѣненія мало касались его ученія о Я, которое теперь во всякомъ случаѣ является вполнѣ установившимся. Мы дадимъ здѣсь сжатое изложеніе ученія Липпса о Я и въ заключеніе кратко отмѣтимъ представляющееся наиболѣе и наименѣе плодотворнымъ въ этомъ ученіи. (Въ этомъ изложеніи мы цитируемъ слѣдующія сочиненія Липпса: Leitfaden der Psychologie, 3-te Aufl. Lpzg. 1909. (сокращ Leitfaden), Bewusstsein und Gegenstände въ Psycholog. Untersuchungen. B. I, Heft 1. Lpzg, 1905 [сокращ. Bewusstsein], Das Ich und die Gefühle, ibid, B. I. Heft 4, Lpzg. 1907 [сокращ. Das Ich], Naturphilosophie въ „Die Philos. im Beginn d. 20 Jahrhund". Heidelb. 1907 и Selbstbewusstsein въ перев. Лихарева: Самосознаніе Спб. 1910).

Слово „Я“ въ обыденномъ употребленіи имѣетъ, по мнѣнію Липпса, по крайней мѣрѣ, четыре не вполнѣ совпадающихъ другъ съ другомъ смысла. Въ такихъ напр. выраженіяхъ какъ: „я покрытъ пылью“, „я весь изорванъ“ — Я относится къ одеждѣ. Въ такихъ какъ: „я голоденъ“, „я усталъ“—Я относится къ тѣлу. Въ заявленіяхъ: „у меня дурной характеръ“, „я обладаю музыкальными способностями“ подъ Я разумѣется *основа* моихъ индивидуальныхъ психическихъ качествъ. Напротивъ, въ высказываніяхъ: „я радуюсь“, „я скучаю“, „я думаю“ подъ Я разумѣется нѣчто непосредственно сознаваемое и заключенное у меня въ чувствѣ (*я чувствую себя* огорченнымъ, веселымъ и т. под.). Но при всемъ этомъ подъ своимъ Я *я въ конечномъ счетѣ* всегда разумѣю одно и то же. Если же такъ, то, значитъ, всѣ различныя понятія Я суть модификаціи одного основного и первоначальнаго Я, во всѣхъ нихъ есть нѣчто, образующее собственный смыслъ термина Я, всѣ они выражаютъ нѣкое подлинное Я, хотя можетъ быть и не всегда выступающее въ этихъ выраженіяхъ на первый планъ. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ это первоначальное подлинное Я? Искать это нужно въ непосредственно переживаемомъ, ибо лишь таковое можетъ быть первоначальнымъ среди переживаемаго и умозаключаемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первоначальное Я должно быть чѣмъ-то такимъ, что „всегда во мнѣ на-лицо“, потому что „въ теченіи всей нашей сознательной жизни сознаніе нашего Я ни на минуту не покидаетъ насъ. Что бы ни воспринималъ я, что бы ни представлялъ, о чемъ бы я ни мыслилъ, я всегда сознаю *себя* воспринимающимъ, представляющимъ, мыслящимъ“ (Самосозн. стр. 5—11).

Нѣкоторые говорятъ, что подлинное и первоначальное Я есть тѣло. Но, спрашивается, *какое* же тѣло, вѣдь тѣлъ въ нашемъ опытѣ бываетъ дано много. Сказать—„мое“, это значитъ уже предполагать Я, къ которому относится тѣло. Если сказать, что то тѣло, которое дается вмѣстѣ съ переживаніями голода, жажды, мускульнаго напряженія и т. д., то, спрашивается, почему тѣло съ этимъ отличіемъ есть Я? Почему то тѣло, въ которомъ я нахожу жажду, я называю собою? Ib. с. 67—69). Указываютъ на постоянство или перманентность тѣлесныхъ ощущеній, причемъ одни, отличая Я отъ тѣла, говорятъ, что отъ этой константности и перманент-

ности мы *заключаемъ* къ бытію Я, другіе же утверждаютъ что Я *есть* само это константное и перманентное тѣло. Но что касается перваго, то уже Юмъ говорилъ, что заключать о связи А съ В мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если когда либо имѣли и то и другое связанными въ нашемъ опытѣ, т. е., въ данномъ случаѣ, заключеніе къ Я уже предполагаетъ его. (Ib. 69 cf. Das Ich. S. 663). Что же касается того, что будто бы тѣлесныя ощущенія составляютъ первоначальное Я въ силу ихъ константности и перманентности, то совершенно безспорно, что ни одинъ видъ тѣлесныхъ ощущеній не является постоянною данностію. Они постоянно измѣняются. Если же все дѣло или въ постоянной наличности *какого-нибудь* тѣлеснаго ощущенія или въ ихъ *соединеніи*, то само собою очевидно, что ни первое, ни второе не составляетъ субъективности или „яйности" (Ichheit). Говорятъ, наконецъ, что первоначальное Я есть индивидуальный абрисъ моего тѣла. Мое Я, по Маху, именно то тѣло, головы и спины, котораго я не вижу. Но какъ ни геніальна такая аргументація, она все же неосновательна. Ни видъ моего тѣла во обще, ни окаймляющая зрительное поле рамка изъ бровей носа, усовъ и щекъ не составляютъ „моего" тѣла (Das Ich SS. 663-666). Вообще я сознаю себя субъектомъ воспріятія не только вещей, но и моего тѣла, слѣд. отличаю отъ него свое Я. „Тѣло относится къ поверхности моей сознательной жизни, напротивъ, мое Я есть центръ послѣдней. И невозможно, чтобы центръ совпадалъ съ периферіей или съ одной изъ ея точекъ" (Самосозн. стр. 70).

Обратимся теперь къ наиболѣе популярной теоріи Я. Она гласитъ, что Я представляетъ собою сумму или связь психическихъ, явленій или явленій сознанія, или содержаній сознанія. Но вопросъ въ томъ, что̀ разумѣть подъ связью содержаній сознанія, образующей Я, и подъ самимъ сознаніемъ?

Положимъ, содержаніе нашего опыта составляетъ какой-нибудь ландшафтъ. Этотъ ландшафтъ несомнѣнно есть связь содержаній сознанія. Но будетъ ли эта „совокупность явленій сознанія" моимъ Я? Очевидно, что нѣтъ, иначе я былъ бы ландшафтомъ, и каждая его часть была бы опредѣленіемъ моего Я. Если скажутъ, что въ опытѣ бываютъ и иного рода величины, напр. чувства, мысли и т. д., то это только

осложняетъ дѣло для разсматриваемой теоріи. Вѣдь если въ опытѣ, кромѣ ландшафта, будутъ чувства, мысли и т. д., то они будутъ рѣзко противополагаться ландшафту. Если, напр., присоединится чувство радости, то безсмысленно будетъ сказать, что ландшафтъ сдѣлается обрадованнымъ; радующимся буду я, а не ландшафтъ (Самосозн. стр. 12—15). Поэтому не правы и тѣ психологи, которые утверждаютъ, что Я есть своеобразное „качество формы“ (Gestaltqualität). Всякое „качество формы“ относится къ содержанію какъ предикатъ, между тѣмъ Я вовсе не предикатъ, напр., видимаго мною дома, ландшафта, звуковъ и т. д. (Самосозн. 15 сл. Das Ich. SS. 659—660. Bewusstsein u. Gegenstände. SS. 11—12).

Во избѣжаніе подобныхъ затрудненій часто говорятъ, что *Я* есть *особая* связь содержаній сознанія, именно связь содержаній сознанія *какъ таковыхъ*. Но необходимо выяснить, что такое „содержанія сознанія какъ таковыя“. Если сознаніе „не означаетъ никакого свойства того предмета, къ которому прилагается, то остается предположить, что оно указываетъ на нѣкоторое *отношеніе*“. (Самосозн. стр. 19). Въ чемъ состоитъ это отношеніе? Если сказать, что сознаніе неопредѣлимо, то это не будетъ отвѣтомъ. „Спрашивается не о сущности сознанія, а равнымъ образомъ не объ его происхожденіи. Вопросъ въ томъ, чѣмъ оно является *для меня*“. Отвѣтъ на это можетъ быть лишь одинъ. Если кто-либо говоритъ, напримѣръ: „ощущеніе краснаго является сейчасъ содержаніемъ моего сознанія“, то это означаетъ: „оно существуетъ на-лицо *для меня*“. Такимъ образомъ, отношеніе, о которомъ идетъ рѣчь, есть отношеніе къ моему Я, непосредственно переживаемое“ (ib. 20—21).

Сознаніе дано лишь какъ сознаніе кого-либо, какъ сознаніе личности или индивидуальнаго Я“ (Leitfaden. S. 1). „Не существуетъ такихъ переживаній сознанія, въ которыхъ я не переживалъ бы себя какъ ихъ переживающій. Ощущенія, представленія и т. под. суть ощущенія, представленія *чьи-либо*, то есть нѣкотораго Я. Слово „ощущеніе“ выражаетъ то, что я или чье-либо другое Я ощущаетъ. Если я отброшу въ ощущеніи то, *что* ощущается, то останется лишь пустое слово. Но точно также это слово теряетъ свой смыслъ и безъ Я, которое ощущаетъ и въ этомъ переживаетъ себя какъ ощущающее“. Также и слово „мышленіе“ означаетъ:

„я нѣчто мыслю“ или вообще ничего не означаетъ (Das Ich. SS. 651 — 652). Собственный смыслъ слова „сознаніе“ есть—Я“ (Leitfaden. S. 6). И это не только такъ фактически, но я непосредственно *переживаю* это такъ. Я переживаю содержаніе ощущеній и представленій не только какъ таковыя..., но вмѣстѣ съ тѣмъ переживаю ихъ какъ *мои*. Это „мое“ означаетъ отношеніе (Beziehung) ощущаемаго или представляемаго, т. е. *содержанія* ко мнѣ, или отношеніе меня къ нему. Оно означаетъ непосредственно переживаемую и потому точнѣйшимъ образомъ извѣстную, но поэтому ближе не описуемую, принадлежность (Zugehörigkeit) содержанія мнѣ“. „Переживаніе этого отношенія необходимо содержитъ въ себѣ переживаніе обоихъ членовъ отношенія. Слѣдовательно, переживаніе (Erleben) того, что я подразумѣваю въ выраженіи: „Я имѣю содержаніе ощущенія или представленія“ содержитъ въ себѣ и переживаніе *Я* и переживаніе „моего“ (Bewusstsein u. Gegenst. S. 9).

Поэтому всѣ опредѣленія *Я*, стремящіяся свести послѣднее на нѣтъ, неизбѣжно предполагаютъ его. Юмъ говоритъ, что *Я* есть пучекъ или связка перцепцій. Но что такое перцепція? Это не есть просто вещь, но нѣчто, которое *я перципирую*. Это—собственный смыслъ слова „перцепція“. И это слово является тотчасъ же безсмысленнымъ, какъ только мы отбросимъ *Я*, которое перципируетъ (Das Ich. S. 660). Дѣло не измѣняется и тогда, если слово „перцепція“ замѣнить здѣсь словомъ „ощущеніе“. Джемсъ употребляетъ въ этомъ случаѣ слово „Thought“, т. е. „мысли“. Но, какъ сказано, слово „мысль“ означаетъ: „я мыслю“. Правда, по Джемсу *Я* не отдѣльная мысль, но „stream of thought“ (потокъ мыслей). Но лишь *я* объединяю и комбинирую мысли (Das Ich S.S. 661—662).

Это *Я*, являющееся условіемъ всякаго содержанія сознанія какъ такового, „дано“ *во всякомъ чувствѣ*. Во всякомъ чувствѣ оно *непосредственно переживается*, а не примышляется или умозаключается. Въ современной психологіи еще сильно стремленіе сводить чувства на ощущенія. Но чѣмъ бы ни сопровождались чувства физіологически, для нашего сознанія они существенно отличны отъ ощущеній. Ощущенія суть признаки *предмета*, чувства суть опредѣленія *меня самого*. Чувства суть „непосредственно переживае-

мыя качества или состоянія Я"; „ощущенія суть сознаніе о чемъ либо, непосредственно являющемся мнѣ, какъ отличномъ отъ Я и противостоящемъ ему" (Das Ich. S. 674 ff.). Въ каждомъ содержаніи ощущенія заключается характеръ предметности, во всякомъ чувствѣ, какъ таковомъ, скрывается Я. „И если я одновременно переживаю различныя чувства, то именно они-то и составляютъ переживаемое въ настоящую минуту Я". „Чувства вообще и чувство Я одно и то же" (Самосозн. стр. 32). Противоположность ощущеній и чувствъ „равнозначна первоначальной противоположности субъекта и объекта, Я и не-Я" (ib. стр. 35).

Это *принципіальное* (ibidem.) отличіе чувствъ, какъ качествъ или состояній Я. отъ ощущеній характеризуетъ, въ частности, и чувства, сопровождающія аффекты. Стоя на чисто описательной точкѣ зрѣнія, нельзя не видѣть, что и эти чувства не совокупности тѣлесныхъ ощущеній, но „симптомы сознанія того, какъ душа, личность, психическій индивидуумъ относится къ переживаемому ею, къ происходящему съ ней и въ ней, они симптомы сознанія того, какое положеніе принимаетъ личность по отношенію къ переживаемому ею; они являются также симптомами проявленія личности во всѣхъ ея жизненныхъ условіяхъ, симптомами характера впечатлѣнія, получаемаго ею отъ этихъ условій и наконецъ ея реакціями на послѣднія" (ibid, стр. 51). Къ этой же категоріи чувствъ,—состояній Я, нужно отнести и наши познавательныя переживанія и прежде всего самые акты сознаванія". Двусмысленность слова „переживаніе" (Erlebnis) подобна двусмысленности слова „познаніе" (Erkenntnis). Познаніе во первыхъ есть актъ (der Akt) познаванія (des Erkennens); во вторыхъ же мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ также и познаваемое (Erkannte), познаваемый фактъ или „содержаніе" познанія. Также и подъ переживаніемъ (Erlebnis) прежде всего разумѣется особое переживаніе (Erleben) или отдѣльный случай, примѣръ переживанія (Erlebens), далѣе же и отдѣльно переживаемое (Erlebte) или отдѣльное *содержаніе* переживанія (des Erlebens) (Bewusstsein und Gegenst. S. 9, 4). Напримѣръ, въ переживаніи „голубого" нужно различать *содержаніе* „голубое" и *имѣніе* этого содержанія. При этомъ „имѣніе" содержанія есть ничто иное, какъ переживаніе въ смыслѣ акта переживанія (im Sinne

des Erlebens), содержаніе же есть ничто иное, какъ переживаніе въ смыслѣ переживаемаго (das Erlebte) (ibid. S. 5). Сознаваніе есть также чувство или актъ Я (ibid. S. 19).

Но хотя Я непосредственно переживается въ каждомъ чувствѣ, это не значитъ однако, что имѣется столько Я, сколько бываетъ чувствъ. Чувства и акты, состоянія и проявленія Я „не стоятъ другъ возлѣ друга, подобно нѣсколькимъ тонамъ или же подобно твердости, цвѣту, вкусу одной и той же вещи, а *проникаютъ* другъ друга“ (Самосозн. стр. 33). Всѣ чувства лишь аспекты или переливы въ единой жизни Я. „Въ сущности“, говоритъ Липпсъ, „вообще не даны отдѣльныя переживанія сознанія, развѣ какъ въ моемъ абстрагирующемъ разсмотрѣніи; существуетъ всегда лишь единая (einheitliche) жизнь сознанія, или связь переживаній сознанія, кратко—одно сознаніе. И то, что даетъ моему сознанію единство или соединяетъ въ единство жизни сознанія—есть именно это Я. Отдѣльныя переживанія сознанія суть, такъ сказать, лучи, которые встрѣчаются въ одномъ пунктѣ или исходятъ изъ одного пункта. Этотъ пунктъ встрѣчи или исходный пунктъ есть Я“ (Bewusstsein und Gegenst. SS. 9—10).

Вмѣстѣ съ тѣмъ важно подчеркнуть, что Я переживается именно въ самихъ переживаніяхъ чего-либо, „не наряду съ чувствами, но въ самихъ чувствахъ“ (Das Ich. S. 651). „Какъ не существуетъ переживаній сознанія безъ сопереживанія Я, такъ не существуетъ и Я безъ отдѣльныхъ переживаній *въ которыхъ* оно переживается“ (Bewusstsein u. Gegenst. S. 10).

Но все-таки, что же такое это Я само по себѣ? *Опредѣлить* его нельзя, какъ нельзя, напр., опредѣлить, что такое „красное“, „желтое“ и т. под.; на него можно лишь указать (Das Ich. S. 650. Leitfaden S. 6). Это—въ моихъ ощущеніяхъ ощущающее, въ моихъ представленіяхъ представляющее, въ моихъ актахъ мышленія мыслящее (Das Ich. S. 641). Я нашего чувства есть непосредственно переживаемый субъектъ (Самосозн. стр. 30—31). „И я не только этотъ субъектъ, но я „знаю“, то есть непосредственно переживаю себя какъ таковой“ (Das Ich. S. 641). Этотъ субъектъ „не есть вещь, не есть нѣчто вещно реальное; его фактичность, реальность, существованіе состоитъ именно въ томъ, что оно переживается, его дѣйствительность есть дѣйствительность въ сознаніи („Das Ich

S S. 647—8). Больше того: „Я, говоритъ Липпсъ", не можетъ быть дано мнѣ; скорѣе оно есть то, *кому* что либо дано" (Das Ich. S. 669). Ни одно содержаніе сознанія не переживается самимъ собою, каждое изъ нихъ переживается соотвѣтствующимъ Я. Я. хотя и не „дано", но „также переживается, только — самимъ собою". Въ этомъ смыслѣ Я есть unicum и въ этомъ отношеніи можно даже дать нѣкоторое подобіе опредѣленія Я: „Я есть то, что переживаетъ самое себя" (Das Ich. S. 653. Bewusst. u. G. S. 43). Но этотъ важный пунктъ нуждается въ подробномъ объясненіи.

„Если", говоритъ Липпсъ, „я имѣю или переживаю содержаніе ощущенія или представленія, то переживается не только это содержаніе, но, въ свою очередь, и актъ переживанія (Erleben) его". „Но въ этомъ, переживаемомъ вмѣстѣ съ содержаніемъ, актѣ ощущенія (Empfinden) или представливаніи (Vorstellen) уже не имѣется различія или противоположенія между переживаемымъ и его переживаніемъ. Слѣдовательно актъ ощущенія и представливанія переживаются *не такъ*, (nicht ebenso) какъ переживается содержаніе ощущенія или представливанія" (Bewusstsein u. Gegenst S. 6). Точнѣе это можно выразить такимъ образомъ. „Переживаемость (Das Erlebtwerden) содержанія ощущенія не есть простая наличность (Dasein) его въ сознаніи, но наличность его *какъ* содержанія акта переживанія (Erlebens). Напротивъ, переживаемость (Erlebtwrden) этого акта переживанія (Erlebens) есть простая наличность (Dasein) или нахожденіе (Statfinden), именно,—сознаваемая (bewusste) наличность или нахожденіе, или же—наличность или нахожденіе въ сознаніи". Здѣсь „переживаемое и переживаніе совпадаютъ (fällt in eines zusammen). Переживаемое есть само переживаніе и наоборотъ. Уже не имѣется здѣсь противоположенія между субъективной и объективной сторонами, но вещь (переживаніе) имѣетъ лишь одну сторону, субъективную и объективную вмѣстѣ. Переживаніе субъективно, какъ актъ переживанія, и оно объективно, поскольку его наличность (Dasein) есть вмѣстѣ съ тѣмъ переживаемость вещи (Erlebtsein)", (Bewusstsein u. Gegenst. S. 7).

Но, чтобы само переживаніе стало предметомъ, для этого нуженъ особый актъ. Лишь когда я *обращаю вниманіе* на свои переживанія, лишь тогда они, сначала будучи лишь

наличными или лишь переживаемыми, теперь становятся наличными *для меня* или для моего сознанія, или *мыслятся* мною, суть для меня предметы, *воспринимаются* (Bew. u. G. S. 40). „Переживаніе не можетъ мыслиться *тогда*, или въ тотъ моментъ, когда оно налично. Наличность (Dasein) акта переживанія (Erlebens). съ одной стороны, и его бытіе предметомъ, съ другой,—его наличность во мнѣ и его наличность для меня всегда послѣдовательны во времени (fallen jederzeit zeitlich ausseinander). Иначе говоря, внутреннее воспріятіе всегда есть ретроспективное (rückschauende) разсмотрѣніе“ (Bew. u. G. S. 41).

Съ этимъ результатомъ перейдемъ теперь къ вопросу о самовоспріятіи Я и о сознаніи тождественности Я. „Когда я разсматриваю себя, когда я есмь свой предметъ, тогда я сознательно противостою самому себѣ. Это есть сознательно и непосредственно переживаемое расщепленіе (Scheidung) или—осуществляющееся въ сознаніи противоположеніе между мной и мыслимымъ предметомъ (Я). Слѣдовательно, когда я мыслю переживаніе сознанія, то въ моемъ сознаніи бываетъ два Я или—въ моемъ сознаніи Я имѣется дважды: одинъ разъ—какъ Я, которое заключено въ каждомъ *мыслимомъ* переживаніи сознанія, Я, которое это переживаніе сознанія имѣетъ или переживаетъ, или, кратко говоря, Я какъ предметъ; и во вторыхъ—этотъ предметъ мыслящее Я, или Я, которому этотъ предметъ противостоитъ, или *для* котораго онъ есть предметъ. Но Я одного и того же момента не двойственно (ist nicht doppelt). Когда я мыслю себя, то *мыслимое* Я не можетъ относиться къ тому моменту, въ который я его мыслю, или относиться къ тому Я, *которое* мыслитъ; оба необходимо различны по времени. Разсматриваемое и мыслимое Я принадлежитъ *прошлому*. Такимъ образомъ, всякое самовоспріятіе или всякое воспріятіе собственныхъ переживаній сознанія необходимо имѣетъ своимъ предметомъ *прошлое* (Bew. u. G. S. 42).

Далѣе, „если для меня могутъ быть наличными вообще лишь прошлыя — или будущія—переживанія сознанія, то лишь такія прошлыя или будущія переживанія сознанія могутъ обладать для моего сознанія и *дѣйствительностію*. Конечно, дѣйствительны всѣ переживанія сознанія. Но это значитъ лишь то, что всѣ они переживаются. Именно этимъ

они дѣйствительны *во мнѣ*. Но чтобы быть дѣйствительными и *для меня*, они должны *противостоять* мнѣ, Я данной минуты. А это значитъ: Я должно противостоять мнѣ, моему Я данной минуты. Возможно же это лишь тогда, когда *то* Я болѣе уже не настоящее, но прошлое" (Bew. u. G. S. 43).

Вообще говоря, „настоящія переживанія сознанія хотя и *сознаются* (sind bewusst), но не *познаются* (sind nicht gewusst). Я не имѣю о нихъ никакого знанія (Wissen). Точно также я не имѣю никакого знанія и о настоящемъ Я". Поэтому, „если отождествлять, какъ это часто дѣлаютъ, „знаніе" (Wissen) съ „сознаніемъ", „познанность" (Gewusstheit) съ „сознаваемостію" (Bewusstheit), то мы должны сказать, что о настоящемъ Я и его переживаніяхъ не имѣется никакого сознанія. Но это значитъ лишь то, что настоящее Я не есть предметъ или, употребляя иностранное слово, не есть объектъ. Оно не можетъ быть объектомъ, такъ какъ оно есть субъектъ для всѣхъ объектовъ; оно не можетъ быть предметомъ, такъ какъ оно есть то, кому всѣ предметы сознаваемымъ образомъ противостоятъ, *для* кого всѣ они и суть предметы" (Bew. u. G. S. 43).

Но если, такимъ образомъ, разсматриваніе Я текущей минуты невозможно, то значитъ самовоспріятіе есть воспоминаніе, хотя можетъ быть—воспоминаніе особаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, это такъ и есть (Bew. u. G. S. 45).

Одинъ видъ воспоминанія собственныхъ переживаній состоитъ въ томъ, что мы вызываемъ изъ памяти образъ переживанія, совершенно уже болѣе не существующаго, напр., когда я припоминаю свою духовную дѣятельность, которую я *нѣкогда* производилъ. Но будетъ уже совершенно другой видъ воспоминанія, когда я подвергаю *непосредственному* разсмотрѣнію свою *только-что* произведенную духовную дѣятельность. Дѣло въ томъ, что, обращаясь мысленно къ только что произведенной духовной дѣятельности, я могу „своимъ духовнымъ окомъ удерживать (festhalten) ее. Духовная дѣятельность, которую я осуществилъ, исчезаетъ (zergeht) не тотчасъ, какъ только я начинаю ее разсматривать, она не тотчасъ же улетучивается (nicht ebendamit verschwunden), какъ только я обращаю на нее свое вниманіе. Нѣтъ, она тогда *еще* имѣется (noch da), хотя и совершенно своеобразнымъ образомъ. Я удерживаю ее благодаря разсматриванію" (Bew.

u. G. S. 45). Съ этимъ результатомъ обратимся къ вопросу о сознаніи самотождественности.

„Прошлое Я", говоритъ Липпсъ, „находится къ настоящему или къ теперь переживаемому Я въ особомъ, больше нигдѣ не встрѣчающемся отношеніи. Оба Я *тождественны* и я имѣю *сознаніе* этой тождественности" (Bew. u. G. S. 46). При этомъ нужно подчеркнуть, что „тождественность прошлаго и теперешняго Я сознается, но не познается; правильнѣе сказать—она бываетъ не просто познаваемою, но *переживается*" (ibidem). Въ самомъ дѣлѣ, познаваемая тождественность двухъ величинъ предполагаетъ, что я ихъ мысленно сопзмѣряю, что и ту и другую я мыслю и разсматриваю, словомъ, предполагаетъ, что обѣ отождествляемыя величины суть для меня *предметы*. Въ сознаніи тождества Я дѣло обстоитъ иначе. „Я не *знаю* себя тождественнымъ съ собой, но я непосредственно переживаю или *чувствую* себя тождественнымъ съ собою". Именно, *„я чувствую себя, это теперешнее Я, въ томъ Я предшествующаго момента"* (Bew. u. G. S. 47). Это послѣднее обстоятельство „не исключаетъ того, что прошедшее Я мыслится или что оно для теперешняго Я есть предметъ. Но для теперешняго Я оно есть такой предметъ, что въ этомъ мыслимомъ, слѣдовательно, въ этомъ предметномъ Я я вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую или переживаю теперешнее Я" (ibidem).

При этомъ важно отмѣтить еще слѣдующее. Во первыхъ, „если я теперешнее Я переживаю въ прошломъ, то, наоборотъ, и прошлое Я, не смотря на то, что оно прошлое, вмѣстѣ съ тѣмъ есть теперь переживаемое". Во вторыхъ, прошлое Я я переживаю лишь тогда, когда я его мыслю и мысленно разсматриваю и лишь поскольку я это дѣлаю (ibidem). Но во всякомъ случаѣ „прошлое Я или жизнь сознанія, когда я ихъ мыслю, *по тенденціи* переживаются теперь". Какъ далеко простирается эта тенденція, это зависитъ отъ „полноты и интуитивности разсматриванія", которое „имѣетъ безконечно многія степени". Здѣсь важно еще то, что „измѣненія въ Я совершаются безъ скачковъ" (Bew. u. G. S. 48). Въ моментъ, непосредственно слѣдующій за извѣстнымъ переживаніемъ, я „въ извѣстной степени еще тотъ же" (Bew. u. G. S. 49).

Если, такимъ образомъ, воспоминаніе и мышленіе про-

шлаго Я „по своей тенденціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ теперешнее переживаніе этого прошлаго“ и „разсматриваніе въ воспоминаніи становится (wird) фактическимъ переживаніемъ прошлаго, „послѣ-переживаніемъ“, то этотъ фактъ можно назвать „перемѣщеніемъ себя (sich versetzen) въ прошлое“. Когда я перемѣщаю себя, теперешнее Я въ прошлое, „тогда я *есмь въ немъ* (bin Ich darin), есмь это прошлое Я и переживаю то, что оно переживало“ (Bew. u. G. S. 48). „Это есть „послѣпереживаніе“ или „вновьпереживаніе (Wiedererleben), а слѣдовательно,—возобновленное бытіе прошлаго“ (Bew. u. G. S. 48).

Само собою ясно, что именно это, содержащееся во всякомъ переживаніи и непосредственно всегда чувствуемое Я есть подлинно первоначальное Я. „Оно“, говоритъ Липпсъ, „есть абсолютно первое и послѣднее“ (Leitfaden der Psychologie. S. 6). Указываютъ на то, что до трехлѣтняго возраста ребенокъ не произноситъ слова „я“. Но, замѣчаетъ Липпсъ, „какъ будто пониманіе этого слова тождественно съ самосознаніемъ (Das Ich. S. 656)! Разъ всякое сознаніе есть сознаніе Я, то вопросъ *о возникновеніи* Я отпадаетъ или, если угодно, переходитъ въ вопросъ о возникоовеніи индивидуальнаго Я изъ Я вообще, а это уже проблема метафизики (Das Ich. S. 658).

Говорятъ еще о возникновеніи *представленія* Я (Ichvorstellung). Но и этотъ вопросъ по Липпсу не имѣетъ смысла. Представленіе о *Я* не можетъ развиваться. Наши переживанія подобны радіусамъ, исходящимъ къ окружности изъ одного центра. Я есть такой центръ, точки соединенія радіусовъ съ окружностію—*содержанія* переживаній. Проводя все больше и больше радіусовъ, мы не увеличиваемъ центра; такъ и увеличеніе переживаній не обогащаетъ Я. „Я остается тѣмъ же самымъ, оно лишь переживаетъ больше или болѣе разнообразное“ (Das Ich. S. 659). Какъ на вопросъ, что́ есть Я можно лишь отвѣтить: „я есмь я“ такъ, и на вопросъ о возникновеніи Я можно лишь сказать: „я есмь“ (Das Ich. S. 667).

Въ чемъ же состоитъ *жизнь* Я? Какъ уже было отчасти упомянуто, кромѣ чувствъ въ собственномъ смыслѣ Липпсъ констатируетъ въ душевной жизни еще непосредственно переживаемыя стремленія, акты и дѣятельности. Стремленіе, вообще говоря, есть внутреннее поставленіе себѣ цѣли (Zielen

(Leitf. d. Psych. S. 6). Въ вызываніи изъ памяти воспоминаній, въ построеніи образовъ фантазіи, въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ мы переживаемъ *акты* нашего Я въ собственномъ смыслѣ (Leitf. S. 21). Отъ стремленій и актовъ въ собственномъ смыслѣ нужно отличать духовную дѣятельность. Послѣдняя есть самое приближеніе цѣли, она имѣетъ, такъ сказать, линейный характеръ, въ то время какъ актъ есть скорѣе пунктъ, начальный или конечный пунктъ дѣятельности (Leitf. S. 22). Но, если понятіе дѣятельности взять въ болѣе широкомъ смыслѣ, то можно сказать, что и акты ощущенія, представленія и мышленія суть духовныя дѣятельности Я. Чувства же или состоянія Я суть какъ бы окраска соотвѣтствующихъ дѣятельностей. Дѣятельности и чувства это какъ бы два аспекта въ переживаніяхъ Я. „Самосознаніе состоитъ въ непрерывной, стремящейся отъ пункта къ пункту дѣятельности". И послѣдняя есть собственный смыслъ слова „жизнь". „Физіологъ", говоритъ Липпсъ, „называетъ извѣстные физическіе процессы „явленіями жизни", но онъ не говоритъ и не можетъ сказать, что такое сама жизнь. Психологъ же даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Жизнь нельзя видѣть, нельзя слышать, но ее можно переживать. И всякій переживаетъ ее въ себѣ какъ жизненность Я, какъ его вѣчное безпокойство, какъ никогда не утихающую дѣятельность" (Leitfaden. S. 38). Въ этомъ смыслѣ совершенно правомѣрно волюнтаристическое разсмотрѣніе всей жизни сознанія: „сознаніе повсюду есть волевая дѣятельность" (Leitf. S. 39).

Для пониманія жини Я весьма существенно подчеркнуть, что дѣятельности Я появляются въ сознаніи не изолированными; я переживаю ихъ какъ *проистекающія* (hervorgehend) изъ предшествующихъ. Напримѣръ, изъ воспріятія вытекаетъ разсужденіе, изъ него—желаніе и т. д.; изъ стремленія къ цѣли проистекаетъ стремленіе къ средству и т. д. Все это именно не есть простая смѣна переживаній. „Проистеканіе" одного переживанія изъ другого составляетъ новое, хотя и не отдѣльное переживаніе. Оно есть „непосредственно переживаемое *отношеніе* (Beziehung) между переживаніями сознанія или непосредственно переживаемая *связь* (Band) между ними" (Leitf. S. 40). Я нахожу себя *обусловленнымъ, опредѣленнымъ* одними своими переживаніями къ другимъ; причемъ здѣсь опять-таки переживается Я, именно, я чувствую *себя*

обусловленнымъ. Эта обусловленность, по Липпсу, совершенно отличается отъ тѣхъ *каузальныхъ* отношеній, которыя мы находимъ среди вещей физическаго міра. Каузальныя отношенія „существуютъ только для разсудка“ (Leitf. S. 42), эти же—непосредственно переживаются. Ихъ лучше всего назвать „отношеніями мотиваціи“. И они также выражаютъ тождество нашей личности. Я есть какъ бы центральная *точка* среди переживаній каждаго момента. Но, отчасти въ силу „вчуствованія“ прошлаго Я, отчасти же въ силу этихъ отношеній мотиваціи между переживаніями, Я, такъ сказать, вытягивается въ линію, остается тѣмъ же самымъ Я во всей смѣнѣ моментовъ (Bewusstsein u. Geg. S.S. 202—203).

Упомянемъ теперь объ отношеніи между Я и тѣломъ, которое мы называемъ своимъ и иногда даже относимъ его къ Я. Послѣднее обстоятельство обусловливается, по Липпсу, тѣмъ, что я переживаю себя *непосредственно* повелѣвающимъ этимъ тѣломъ, имѣю въ немъ (и только въ немъ среди тѣлъ) „непосредственно переживаемую сферу моего могущества“ („Macht - Sphäre“) (Leitf. S.). Здѣсь „я переживаю себя какъ дѣйствующаго“, переживаю, что *я есмь движущій*. (Das Ich. S. 644. Ср. Самосозн. § XI).

Вначалѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы разумѣемъ подъ Я главнымъ образомъ пребывающую *основу* нашихъ психическихъ свойствъ. Липпсъ считаетъ вполнѣ правомѣрнымъ понятіе такой основы психики и свое ученіе о непосредственно переживаемомъ Я дополняетъ ученіемъ о „реальномъ Я“. Въ самомъ дѣлѣ, говоря, напр., что я имѣю хорошую память, такой-то характеръ, я хочу сказать не то, что *переживая* свое Я, *я* сопереживаю, какъ его состояніе, хорошую память и т. под., но то, что въ *субстратѣ* моего Я, въ своей душѣ я нахожу свойство, не могущее быть непосредственно переживаемымъ, но, въ виду извѣстныхъ явленій въ переживаніяхъ, необходимо допускаемое, какъ объясняющее ихъ (Erklärungsgrund) (Leitf. S.S. 4—5), подобно тому, какъ объяснительное естествознаніе построяетъ міръ атомовъ. Непосредственно переживаемое Я конечно дѣйствительно, но его дѣйствительность есть дѣйствительность въ сознаніи. Реальное Я по своему понятію независимо ни отъ чьего сознанія. Но въ то время какъ непосредственно переживаемое Я имѣетъ, какъ таковое, „абсолютно извѣстное

существованіе“ (Leitf. S. 46), реальное Я имѣетъ для насъ „лишь мыслимую или постулируемую дѣйствительность, дѣйствительность мысленно въ основу полагаемаго“ (Wirklichkeit des gedanklich zugründe Gelegten) (Leitf. S. 47) „реальность чего-то въ себѣ неизвѣстнаго“ (Wirklichkeit eines an sich Unbekannten) (ibidem). Но по своему понятію реальное Я принадлежитъ къ тому же дѣйствительному міру, къ которому принадлежатъ вещи физики и относится къ непосредственно переживаемому Я аналогично тому, какъ реальный тонъ, о которомъ говоритъ физикъ, относится къ феноменальному тону (Leitfaden. S. 47. Самосозн. стр. 82). Тождественно ли это реальное Я съ мозгомъ — рѣшить этого, стоя на почвѣ опыта, нельзя. Методологически же понятія реальнаго Я и мозга *совершенно отличны* другъ отъ друга: первое есть психологическое понятіе, второе физіологическое (Leitfaden. SS. 45—46). Процессы въ реальномъ Я должны мыслиться такъ, чтобы они каузально объясняли появленіе непосредственно переживаемыхъ процессовъ въ сознаніи (Leitfaden. S. 43—44). Но при этомъ нельзя считать, что переживанія суть *дѣйствія* процессовъ въ реальномъ Я. „Отношеніе переживанія сознанія къ реальному психическому процессу *не* есть отношеніе слѣдствія и причины, но абсолютно своеобразное отношеніе переживанія сознанія къ являющемуся въ немъ или къ необходимо примышляемому къ нему“. (Leitf. S. 84).

Реальные душевные процессы конкурируютъ между собою въ завладѣніи психической силой реальнаго Я. При опредѣленной высотѣ энергіи, получающейся у реальнаго процесса благодаря этому усвоенію имъ психической силы, наше сознаніе обогащается новымъ переживаніемъ. Въ противномъ случаѣ реальный процессъ остается безъ эквивалента въ сознаніи, и это — единственное, что мы можемъ разумѣть подъ „безсознательными душевными процессами“ (Leitf. SS. 82—84).

Въ нашу задачу не входитъ разсматривать механику постулируемыхъ Липпсомъ реальныхъ душевныхъ процессовъ. Отмѣтимъ лишь его объясненіе явленій раздвоенія личности. Это раздвоеніе получается, по Липпсу, тогда, когда нѣкоторые реальные душевные процессы выходятъ, болѣе или менѣе, изъ подъ власти реальной апперцепціи и начинаютъ жить болѣе или менѣе самостоятельною жизнію. Это

явленіе бываетъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, и въ нормальной жизни и поэтому не представляетъ собою чего либо принципіальнаго (Leitf. S. 379).

По аналогіи съ основой физическихъ явленій Липпсъ называетъ реальное Я *субстанціей*, но замѣчаетъ, что „этимъ не исключается, что съ высшей точки зрѣнія субстанціальность души разрѣшается въ чистую актуальность“ (Leitf. S. 47). И въ своей метафизикѣ Липпсъ утверждаетъ, что нашъ мозгъ есть лишь какъ бы символъ того мѣста, „гдѣ индивидуальное сознаніе входитъ въ сознаніе міровое“ (Naturphilosophie. S. 149).

Этотъ переходъ отъ констатированія переживающаго субъекта къ пангеистической метафизикѣ вовсе не является, однако, неизбѣжнымъ. Ученіе Липпса о Я само по себѣ чисто эмпирическое, оно цѣликомъ зиждется на анализѣ непосредственно переживаемаго и соединимо съ любой формой ученія о сверхчеловѣческомъ сознаніи. Нѣкоторыя современныя теоріи Я, признающія среди душевныхъ явленій *реальный* субъектъ ихъ, утверждаютъ въ то же время, что самъ по себѣ этотъ субъектъ есть всеобщее, сверхъиндивидуальное Я (см. напр. *W. Schuppe.*—Erkentnisstheorethische Logik. Bonn. 1879. S. 81 ft. — Grundriss der Erkenntnistheorio und Logik. 2-te Aufl. Berl. 1910. S. 19 f. — Begriff und Grenzen der Pzychologie въ Zeitschrift f. d. immanente Philosophie B. I. S. 45 f. *I. Rehmke*—Philosophie als Grundwissenschaft. Lpzg. и Frankf. a. M. 1910. S. 247 f.—Lehrbuch d. allgemeinen Psychologie. Lpzg. u. Frankf. a. M. 1905. SS. 105—103. О „сознаніи вообще“ см. *H. Amrhein.*—Kants Lehre vom „Bewusstsein überhaupt“ und ihre Weiterbildung bis auf die Gegenwart. Berlin. 1909.). Въ отличіе отъ нихъ психологія Липпса сама по себѣ не дѣлаетъ такого утвержденія, да и самое право сдѣлать его подвергается сомнѣніямъ. Указываютъ, напримѣръ, на то, что будь наши индивидуальныя Я однимъ и тѣмъ же всеобщимъ Я, каждый изъ насъ не могъ бы свои переживанія отличать отъ чужихъ: и тѣ и другія одинаково были бы своими (*G. Kafka.* — Versuch einer kritischen Darstellungen der neueren Anschauungen über das Ichsproblem. Archiv f. d. gesam. Psychologie. B. XIX. SS. 228—229).

Для рѣшенія проблемы индивидуальнаго Я Липпсъ несомнѣнно даетъ многое. Прежде всего нужно отмѣтить его

методологическую позицію въ изслѣдованіи психическаго вообще. Въ противоположность однимъ новѣйшимъ психологамъ и философамъ (особенно Маху, Авенаріусу, Цигену) и въ союзѣ съ другими (Дильтеемъ, Бергсономъ, Мюнстербергомъ, отчасти со Штумпфомъ и Гуссерлемъ, отчасти съ Шуппе, отчасти съ Вундтомъ) Липпсъ стремится понять и воспроизвести природу психическаго во всемъ ея несравненномъ своеобразіи. Онъ не пытается втиснуть живыя переживанія въ схемы явленій физическихъ, онъ не производитъ насильственнаго разсѣченія души на „элементы“ въ родѣ атомовъ, онъ описываетъ душевную жизнь и ея источникъ такими, какими они непосредственно переживаются и, слѣдовательно, есть. Липпсъ гдѣ-то говоритъ, что психо́логомъ нужно *родиться*, и нельзя не признать у него самого большого дара психологической интуиціи.

Благодаря именно ей Липпсъ находитъ подлинно золотую середину между отрицаніемъ переживающаго субъекта и признаніемъ его чѣмъ-то особымъ наряду съ переживаніями, не прибѣгая, однако, къ ничего не поясняющей теоріи Я, какъ какой-то „внутренней связи“ душевныхъ процессовъ. Наличенъ субъектъ, познающій и дѣйственный, но живущій въ самихъ переживаніяхъ, хотя не сводимый на эти свои проявленія. И онъ не есть, какъ у Ремке, лишь „единящее свойство“ переживаній, безсодержательное и мертвое; онъ обладаетъ полнотой внутренняго бытія, переживанія суть дыханіе его жизни. Эти переживанія, въ обычныхъ описаніяхъ являющіяся чѣмъ-то разрозненнымъ и, несмотря на всѣ объясненія, непонятнымъ, у Липпса превращаются въ аспекты и модусы Я, въ *качества* Я, и сразу чувствуешь, что это такъ и есть. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни „радости“, ни „печали“, ни „воли“, ни „мыслей“, есть лишь радующееся, печалящееся, волящее, познающее Я; нѣтъ ни „психическихъ элементовъ“, ни „психическихъ образованій“, ни одно переживаніе нельзя оторвать отъ Я и разсматривать какъ не самое Я, есть лишь Я, такое или иное въ тотъ или другой моментъ его жизни.

Чрезвычайно проницательнымъ является, далѣе, проводимое Липпсомъ различеніе между сознаніемъ объекта и переживаніемъ Я самого себя въ своихъ проявленіяхъ, дающее отнынѣ возможность, признавая самосознаніе, не допускать

противорѣчиваго утвержденія о данности субъекту его самого, не могущаго, однако, въ своей субъектности быть объектомъ. Сказать, что „переживаніе“ тоже есть объектъ, не могущій, какъ таковой, быть субъектомъ—значитъ повторить старый аргументъ, не понимая ученія Липпса о переживаніи Я. Липпсъ констатируетъ, что есть нѣчто иное, чѣмъ или данность объекта или совершенное ничто, именно переживаніе. Саморазсматриваніе въ собственномъ смыслѣ конечно невозможно. Переживаніе или, что тоже, переживаніе Я всегда бываетъ лишь при сознаніи объекта, не-Я, точнѣе оно есть самый актъ сознаванія объекта, не-Я. Но въ переживаніи или сознаваніи всегда заключено я. Сознавая объектъ, я не сознаю себя, я сознаю только объектъ, но это сознаваніе объекта всегда есть переживаніе Я. Сознавать, быть субъектомъ значитъ переживать себя субъектомъ, быть таковымъ для себя или ничего не значитъ. И это переживаніе, субъектность есть конкретная качественно измѣнчивая жизнь Я и *все* психическое, вся жизнь Я есть переживаніе или субъектность. „Чувствованія“, „хотѣнія“, „мышленіе“ суть лишь виды переживанія, пассивныя и активныя формы субъектности. Психологія должна быть не только психологіей Я, но именно психологіей субъектности.

Менѣе значительнымъ представляется ученіе Липпса о перенесеніи себя въ прошлое для сознанія себя тождественнымъ съ Я предшествующихъ моментовъ. Не достаточно ли здѣсь непосредственнаго переживанія себя тѣмъ же, чѣмъ я былъ, сознанія себя тѣмъ, чѣмъ я *есмь во времени*. Я живетъ и измѣняется, но никогда не становится другимъ въ собственномъ смыслѣ и не прерывается, его просто не съ чѣмъ отождествлять, ибо Я всѣхъ протекшихъ моментовъ *есть* въ Я данной минуты, которое только потому и есть именно оно. Другое дѣло отождествленіе себя съ Я, рисующимся въ *образѣ* прошлаго.

Весьма сомнительную цѣнность представляетъ ученіе Липпса о „реальномъ Я“. Что бы ни говорилъ Липпсъ объ отношеніи „реальныхъ психическихъ процессовъ“ къ переживаніямъ, „реальное Я“ чрезвычайно напоминаетъ кантовскую „вещь въ себѣ“ въ традиціонномъ ея пониманіи, а „Я феноменальное“ получаетъ нѣсколько призрачную реальность. Кромѣ того, „реальные психическіе процессы“ поразительно

сходны съ процессами физическими. Липпсъ указываетъ, что методологически эти понятія совершенно различны. Но это не мѣшаетъ имъ быть черезчуръ сходными по мыслимому въ нихъ содержанію. Въ этихъ „реальныхъ психическихъ процессахъ" не усматривается ничего психическаго, какимъ мы знаемъ послѣднее въ переживаніяхъ, скорѣе это какія-то физическія силы, дѣйствующія чисто механически. Липпсъ постулируетъ эти процессы для *объясненія* переживаній. Но почему психическое должно непремѣнно объясняться по схемамъ естествознанія и не имѣть своего особаго объясненія, столь же своеобразнаго, какъ и сама природа психическаго? Развѣ самъ Липпсъ въ своей описательной психологіи не даетъ данныхъ для этого? Но прежде всего нужно было бы признать непосредственно переживаемое Я не феноменомъ, а подлинною реальностію, не нуждающейся ни въ какой „основѣ" имманентной душевной субстанціей.

Тогда и проблема „подсознательнаго Я" и „подсознательнаго опыта" получила бы совершенно иную постановку. Чисто механическое объясненіе „безсознательнаго" и фактовъ „раздвоенія" личности, предлагаемое Липпсомъ, весьма недалеко отъ того „медицинскаго матеріализма", который предлагался для объясненія подсознательнаго мистическаго опыта и который вызвалъ столь справедливый отпоръ со стороны У. Джемса.

Констатируемые теперь факты „подсознательной" жизни Я, столь оживленно комментирующіеся въ современной литературѣ, требуютъ не гипотезъ о процессахъ въ мнимой „основѣ" Я, а перестройки понятія сознанія въ смыслѣ расширенія его объема. И здѣсь отправнымъ пунктомъ съ успѣхомъ могло бы быть ученіе Липпса о непосредственно переживаемомъ Я.

Столь же мало удовлетворяетъ и отнесеніе Липпсомъ ощущеній и представленій къ психическимъ актамъ, и слѣдовательно къ переживаніямъ Я. Признаніе ощущеній и представленій психическими величинами является традиціоннымъ. Съ другой стороны новѣйшія попытки провести безъ противорѣчій „наивный реализмъ" пока не увѣнчались успѣхомъ. Однако уже указана полная возможность если и не считать ощущенія физическими величинами, то все же от-

носить ихъ въ область иную, чѣмъ психическая (Штумпфъ, Лосскій). То же самое можно было бы дѣлать и съ представленіями. Для Липпса эта возможность должна была бы превратиться въ обязанность. Всякое переживаніе, справедливо говоритъ онъ, содержитъ Я, есть качество Я. Но кто скажетъ, что, напр., въ ощущеніи краснаго заключено Я, что представленіе дома есть качество Я? Самъ Липпсъ указываетъ на то отличіе ощущеній и представленій отъ чувствъ, что первыя и вторыя не суть качества Я. И въ то же время онъ считаетъ ихъ актами, переживаніями, въ которыхъ какъ-то лишь потомъ выступаютъ предметы. Это нѣчто совершенно непонятное и необходимо освободить Я отъ такихъ его „качествъ“ какъ ощущенія и представленія.

Несмотря на нѣкоторые недостатки, ученіе Липпса о Я является чрезвычайно значительнымъ. Умы, изсушенные и придавленные извѣстной доктриной, носящей противорѣчивое названіе „Psychologie ohne Seele“, должны испытывать отъ ученія Липпса освобождающее и возвышающее дѣйствіе, а современная философія изъ него должна извлечь для себя большое назиданіе.

Ив. Марковъ.